

Научная статья
УДК 39+91
doi: 10.17223/2312461X/45/4

Первоначальное землеустройство 1932–1933 гг. в судьбе чукотского оленеводства

Константин Борисович Клоков^{1,2}

¹ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера),
Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
^{1,2} k.b.klokov@gmail.com

Аннотация. Поиск причин депрессии, в которой оказалось теперь оленеводческое хозяйство Чукотки – в прошлом самого успешного оленеводческого региона страны, стал темой большого числа этнологических и географических исследований. Высокий уровень развития оленеводства этого региона в 1960–1980-е гг. был результатом сверхусилий государственного протекционизма. Кризис 1990-х гг. привел к фактическому развалу оленеводческих хозяйств и «обвальному» сокращению поголовья оленей. Однако в разных этнохозяйственных ареалах Чукотского автономного округа судьбы оленеводства складываются по-разному. Рассмотрена судьба оленеводства в одном из районов так называемого рискованного оленеводства, расположенного на юго-востоке округа. В прошлом эта территория не использовалась для зимовок оленей в связи с опасностью ледяной корки, но после первоначального землеустройства здесь были созданы оленеводческие предприятия, осуществлявшие круглогодичный выпас оленей. На основе данных Приполярной переписи 1926–1927 гг., архивных и литературных источников, рассмотрены принципы проведения землеустройства на юго-востоке Чукотки, показано их противоречие местным традициям чукотских оленеводов. Проанализированы изменения в географическом размещении оленеводства, происшедшие в результате землеустройства, и их последствия с точки зрения связанного с гололедом экологического риска. Как традиционная, существовавшая до первоначального землеустройства модель оленеводства, так и пришедшая ей на смену советская модель могли существовать лишь в определенных исторических условиях, к которым они были адаптированы. Вопрос, какая из них соответствует экологической норме, некорректен. Общей, не зависящей от исторического периода экологической «нормы» поголовья домашних оленей в оленеводческом хозяйстве не существует.

Ключевые слова: Чукотка, советизация, землеустройство, Приполярная перепись, рискованное оленеводство, гололедные явления, кочевое хозяйство, рыночные реформы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта РФФ № 23-18-00637 «Меняющаяся материальность Арктики и Сибири: технологии, инновации, инфраструктура».

Для цитирования: Клоков К.Б. Первоначальное землеустройство 1932–1933 гг. в судьбе чукотского оленеводства // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3. С. 75–100. doi: 10.17223/2312461X/45/4

Original article

doi: 10.17223/2312461X/45/4

The Primary Land Use Planning of 1932–1933 in the Fate of Chukchi Reindeer Husbandry

Konstantin B. Klokov^{1,2}

¹ Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS,
Saint Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
^{1,2} k.b.klokov@gmail.com

Abstract. The search for the causes of the ongoing depression of Chukotka's reindeer husbandry has been the subject of a large number of ethnological and geographical studies, especially taking into account that Chukotka was recently the most successful reindeer herding region in Russia.

The high level of development of reindeer husbandry in this region in 1960–1980 was the result of the state's over-zealous protectionism. The crisis of the 1990s led to the actual collapse of reindeer herding farms and dramatic drop down of reindeer population. However, the fate of reindeer husbandry has been different in different ethno-economic areas of Chukotka. The article examines the fate of reindeer husbandry in one of the areas of the so-called "risky reindeer husbandry", located in the south-east of the Chukotka Autonomous Okrug.

In the past, this area was not used for reindeer wintering due to the danger of ice-crust, but after primary land use planning reindeer herding enterprises were established there and reindeer grazed year-round. The article based on the data of the Polar Census of 1926/27, archival and literary sources examines the principles of land use planning in the south-east of Chukotka and shows their contradiction to local herders' traditions.

The changes in the geographical distribution of reindeer husbandry occurred as a result of land use planning and their implications for the ecological sustainability of reindeer husbandry are discussed. Both the traditional model of reindeer husbandry that existed before the original land use planning and the Soviet model that replaced it could only exist under certain historical conditions to which they were adapted. The question of which of them corresponds to the ecological norm is misplaced. There is no general ecological "norm" for the number of domesticated reindeer in the reindeer husbandry that does not depend on the historical period.

Keywords: Chukotka, sovietisation, land use planning, Polar Census, risky reindeer husbandry, ice-crust, nomadic economy, market reforms

Acknowledgements: The research has been funded by the Russian Science Foundation "Changing Materiality of the Arctic and Siberia: Technologies, Innovations, Infrastructure" (No. 23-18-00637).

For citation: Klokov, V.B. (2024) The Primary Land Use Planning of 1932–1933 in the Fate of Chukchi Reindeer Husbandry. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 75–100 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/45/4

Судьба чукотского оленеводства в советский и постсоветский периоды стала темой многих этнологических и географических исследований (Клоков, Хрущев 2004; Пилясов 2009; Хаховская 2011; Коломиец,

Нувано 2017, 2024; Антонов, Литвиненко, Нувано 2018 и др.). Исследователей волнует депрессия, в которой оказалось в последние десятилетия оленеводческое хозяйство Чукотского автономного округа (ЧАО) – в прошлом самого успешного оленеводческого региона России. Согласно одной из точек зрения (Пилясов 2009; Хаховская 2011; Антонов 2018), высокий уровень развития оленеводческих предприятий на Чукотке в 1960–1980 гг. был результатом сверхусилий государственного протекционизма. Когда советская директивно-плановая система исчерпала свои ресурсы, в чукотском оленеводстве наступил кризис, который в годы рыночных реформ привел к фактическому развалу оленеводческих хозяйств и «обвальному» сокращению поголовья оленей. Вопрос, что будет с чукотским оленеводством дальше, волнует многих, и конечная цель моего исследования – по возможности приблизиться к ответу на него. В беседах о чукотском оленеводстве со специалистами в Анадыре, все, с кем я говорил, были озабочены его современным положением и настроены довольно пессимистично. Вместе с тем преобладала точка зрения, что оленеводство на Чукотке не исчезнет совсем, а в той или иной форме сохранится (ПМА 2022).

Оленеводство Чукотки весьма неоднородно. На территории округа сложилось несколько его этнохозяйственных ареалов с разными традициями, особенностями хозяйства и различными трендами поголовья оленей (Клоков, Хрущев 2004; Пилясов 2009; Антонов и др. 2018). Очевидно, что судьбы оленеводства в разных ареалах могут быть различными. От чего это может зависеть? После рыночных реформ 1990-х гг. наиболее проблемными для оленеводства оказались территории, расположенные на побережье Тихого океана – Чукотского, Провиденского и бывшего Беринговского районов округа.

Ряд авторов (Мироненко 2000; Пилясов 2009; Антонов и др. 2018) называют эти районы зоной рискованного оленеводства из-за повышенного риска возникновения тут гололедных явлений. Такие явления могут привести к массовой гибели оленей, особенно молодых, а у выживших самок рождаются слабые телята. Животные тратят много сил, разбивая ледяные корки, чтобы доставать корм, слабеют и могут погибнуть от истощения. Чтобы спасти стадо, нужно вовремя вывести его из опасного места. По этой причине оленеводы до советских преобразований не оставляли в этих районах крупные стада на зимовку, однако после советизации, в период планового хозяйства в них были размещены крупные оленеводческие предприятия с большим поголовьем оленей (Мироненко 2000; Нувано 2004). Существует мнение, что после перехода к рынку поголовье оленей здесь, сократившись, вернулось к своему нормальному уровню (Антонов и др. 2018). Изложенные соображения представляются вполне вероятными, однако конкретных материалов, доказывающих эту

точку зрения, опубликовано пока не было. Цель этой статьи – представить и рассмотреть такие материалы для одной из территорий, подверженных гололедным явлениям, – юго-восточной части ЧАО в границах бывшего Беринговского района. Этот район был выделен из состава Анадырского административного района в 1957 г. и снова слит с ним в 2008 г. Здесь, на побережье Берингова моря, располагаются три чукотские села: Алыкатваам, Мейныпильгыно и Хатырка и промышленный поселок Беринговский – бывший районный центр.

В настоящей статье рассматривается, как изменилось географическое размещение оленеводства этой территории в результате первоначального землеустройства и как эти изменения отразились на его устойчивости и дальнейшей судьбе. Поскольку советизация чукотского оленеводства фактически была столкновением двух разных культурных миров, изменения в землепользовании рассмотрены как процесс межэтнического взаимодействия.

Основными источниками материалов были данные Приполярной переписи 1926–1927 гг. (Итоги... 1929), отчетные материалы первоначального землеустройства, проведенного в Анадырском районе в 1932–1933 гг. (ГА ЧАО 1934), подготовленные на их основе статьи (Орловский 1928; Васильев 1936; Друри 1936), а также научные публикации об оленеводстве на Чукотке (Хаховская 2011; Коломиец, Нувано 2017, 2024). Сведения о том, как воспринимали советизацию кочевые оленеводы, были почерпнуты из воспоминаний современников, значительная часть которых опубликована (Тропую Богораза... 2008; Шарыпова 2017), в том числе и в подготовленном на основе полевых материалов автора сборнике фольклорных текстов и воспоминаний жителей села Мейныпильгыно (Мейныпильгыно... 2023). В нем много воспоминаний «второго порядка» – сообщений жителей о том, что им рассказали родители и старшие родственники.

На Чукотке коллективизация проводилась по политическому заказу, как часть всеохватывающей кампании по советизации Севера (Гарусов 1981; Хаховская 2011). В приморских поселках советизация началась в 1923–1926 гг., а среди оленеводов-кочевников развернулась позднее, на рубеже 1920–1930-х гг. (Вдовин 1965; Давыдова 2022). Первоначальное землеустройство на юго-востоке Чукотки было проведено в 1932–1933 гг. Чукотско-Анадырской экспедицией Дальгосземтреста при Наркомземе РСФСР (ГА ЧАО 1934). Рассмотрим, каким образом сформировались основные подходы и принципы землеустройства северного оленеводства, как они были реализованы на юго-востоке Чукотки и какие это имело последствия для оленеводческих хозяйств.

Формирование научной школы землеустройства северных оленеводческих хозяйств

Теория и практика землеустройства на Севере России, включая Чукотку, связаны с деятельностью плеяды петроградских/ленинградских ученых. Первым среди них можно назвать Сергея Васильевича Керцелли (1869–1935) – зоолога и ветеринарного врача из Архангельска, начавшего свою деятельность с путешествий к оленеводам Большеземельской тундры (Керцели 1911). После революции он продолжал свои исследования на Печоре, а также на Кольском полуострове, где изучал не только кочевое, но и оседлое (избенное поморское) оленеводство. С выходом постановления СНК РСФСР «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера», которым предусматривались социалистическая реконструкция оленеводческого хозяйства и первоначальное земельно-водное устройство Крайнего Севера (Постановление... 1931), исследования по оленеводству были развернуты сразу в двух институтах г. Ленинграда – НИИ оленеводства ВАСХНИЛ и Всесоюзном арктическом институте Главсевморпути (ВАИ). С.И. Керцели стал директором первого. Институт организовал три оленеводческие опытные станции: Нарьян-Марскую, Обдорскую (Салехардскую) и Анадырскую и пять опорных пунктов в разных регионах Севера. После смерти С.И. Керцели институт вошел в состав ВАИ на правах отдела, который возглавил В.Б. Сочава – в будущем один из ведущих советских геоботаников и экологов. Отделом были развернуты масштабные исследования оленеводства, включая, прежде всего, изучение техники пастбы и кормовой базы, а также организацию труда оленеводов в колхозах и совхозах и разведению оленегонной лайки. Основные работы первые годы проводились на Севере европейской части страны и Западной Сибири. Эти исследования заложили основы советской школы научного оленеводства, дальнейшее развитие которой происходило уже в других учреждениях (Чистяков 2020: 544–548).

Ленинградские специалисты стали вдохновителями и организаторами первоначального землеустройства на всем Севере, в том числе на Чукотке. Один из них – Иван Васильевич Друри – приехал на Чукотку в 1929 г. вместе с С.В. Керцели, проработав там до осени 1932 г. Он был одним из организаторов оленеводческой опытной станции в новом селе Снежное, построенном на р. Анадырь, и стал руководителем первого на Чукотке оленеводческого совхоза (совхоз «Анадырский»). Ко времени развертывания землеустроительных работ на Севере за плечами у ленинградских ученых уже был опыт работы в районах ненецкого и коми-ижемского оленеводства. По-видимому, на примере этого оленеводства сформировались их основные методические подходы и понимание главных задач, одной из которых И.В. Друри считал познакомить чукотских

оленоводов с наиболее рациональными методами оленеводства других кочевников нашей страны (Друри 1989).

Уже втянувшееся к началу XX в. в систему рыночных отношений коми-ижемское и, в значительной мере, ненецкое оленеводство в большей степени отвечали задачам советского переустройства хозяйства, по сравнению с чукотским. Из оценочных суждений ленинградских ученых об оленеводстве на Чукотке (ГА ЧАО 1934; Васильев 1936; Друри 1936) видно, что наблюдаемые ими факты рассматриваются с позиций ненецкого и коми-ижемского оленеводства.

Другой важной особенностью ленинградской школы северного землеустройства стал фокус на изучение кормовых ресурсов оленьих пастбищ. Одна из первых статей по землеустройству тундрового оленеводства была написана В.Б. Сочавой (1931) на основании материалов его пятилетних геоботанических исследований на севере Урала и на Камчатке. Ее автор выдвинул принципы геоботанического подхода к землеустройству, которые впоследствии были реализованы по всему российскому Северу. Главный тезис заключался в том, что хозяйственный смысл оленеводства состоит в использовании растительных ресурсов тундр, которые останутся иначе неиспользованными, и что от «лиц, заинтересованных в экономике и организации оленеводства» известно, что «разведение северного оленя *сводится* (выделено мной. – К.К.) к вопросу о пастбищах и их свойствах...» (Сочава 1931: 78). Эти ключевые слова (которые, впрочем, неудивительно слышать от ботаника) определили дальнейший геоботанический фокус в землеустроительных работах, оставив, по существу, в стороне самих оленеводов и их традиционный опыт хозяйствования. Заклучив, что «ягелеустройство на основе тундроведения и тундроведение на основе ягелеустройства» – это «путь по которому можно прийти к положительным и надежным результатам», В.Б. Сочава делает вывод, что «для каждого типа пастбищ в соответствии с его свойствами должны быть выработаны известные приемы пастьбы и установлены сроки наиболее рационального выпаса» (83). Такой фокус привел к суженному рассмотрению перспектив оленеводства, где первую роль часто играют не пастбища, а люди и олени.

Первоначальное землеустройство на Чукотке и его особенности

Целью первоначального землеустройства было модернизировать использование оленьих пастбищ и маршруты кочевания в интересах укрепления новой власти и колхозного строительства (ГА ЧАО 1934: 1; Васильев 1936; Друри 1936). Первой практической задачей землеустроителей было собрать доказательства неэффективности существовавшего тогда на Чукотке оленеводства, намечая, тем самым, пути его реформирования. Сделать это было не так просто. Участники экспедиции видели, что

оленоводство чукчей было гармоничным и устойчивым, что нашло отражение и в отчетах землеустроительной экспедиции (ГА ЧАО 1934), и в публикациях (Васильев 1936; Друри 1936). К объективной характеристике оленеводства авторы добавляли оценочные суждения, помещая для этого факты, которые они наблюдали на Чукотке, в знакомые им по товарному оленеводству Европейского Севера контексты. В результате в число недостатков попали такие характерные для традиционного оленеводства чукчей черты, как отсутствие пастушеских собак и окарауливание стада пешком без использования нарт в летнее время (Друри 1936: 121–122). Серьезным недостатком сочли и небольшую долю маточного поголовья в структуре стада, которая в крупных стадах легко могла быть увеличена, если бы на оленину был товарный спрос. За его отсутствием богатые оленеводы содержали в своих стадах лишь 49,8% маток, зато имели до 30%, а отдельные «кулкаки» до 46%, «гулевых быков», т.е. быков, выращиваемых на мясо (ГА ЧАО 1934: 127). Быки были нужны чтобы в течение года обеспечивать мясом родственников и работников, у которых было мало своих оленей. Владелец стада с большим количеством холощеных мясистых быков еще недавно считался более уважаемым, чем тот, у кого в стаде было много маток, писал П.Н. Орловский (1928: 68), – коммерческая точка зрения на оленеводство у чукчей только еще пробуждается, идя на смену существующей «поэтически-бытовой».

Негативную оценку землеустроителей получила и распространенная у чукчей практика перехода работников от одного хозяина («кулака») к другому. Она давала малолетним чукчам значительную свободу и не позволяла богатым притеснять бедняков. Ее сочли доказательством эксплуатации и раскритиковали как «нерациональную», сославшись на то, что пастух должен хорошо знать «в лицо» как можно большую часть оленей в стаде, а при переходе в другое стадо накопленный им опыт очевидным образом теряется. И.В. Друри (1936: 121) писал по этому поводу: «...если пастух не имеет постоянного наблюдения за животными, допускает слишком большое рассеивание оленей по пастбищу, не принимая достаточных мер по розыску и подгону ушедших от стада оленей, вместо бдительного окарауливания зачастую спит (sic! – К.К.) на дежурстве, то, конечно, нельзя ожидать от стада какого-то хозяйственного эффекта. И поэтому для обеспечения роста поголовья необходимо провести целый комплекс мероприятий».

Сопоставим возмущение И.В. Друри тем, что пастухи спят во время дежурства, с наблюдениями А.В. Головнёва (2015: 15) за искусством чукчей «чередовать напряжение и расслабление, быстрое действие и быстрый сон» как одну из замечательных технологий арктического нomaдизма: «...пастух согревается, бегая за оленями, а, разогретый, падает на снег и спит, пока не замерзнет; затем, вскочив от холода, он снова гоняет оленей и согревается; и так весь день – то бежит, то спит».

Для текстов, направленных на советизацию, были характерны такие выражения, как «исключительно тяжелое» положение оленеводов, «которым приходится работать по 12–15 часов в сутки» (Гарусов 1981: 20), или же «самые гнусные формы» их эксплуатации (Друри 1936: 110). Чрезвычайно тяжелый, по европейским меркам, труд чукотских оленеводов хорошо описан в этнографической литературе (Архинчеев 1957), а что могло стоять за такими выражениями, с точки зрения самих чукчей? Приведем рассказ старожила с Мейныпильгыно Игоря Етылькута (ПМА 2019; Мейныпильгыно... 2023: 98).

Я спрашивал стариков, почему войны *нытватээнат* (истощались), когда еды кругом полно. Они отвечали, что те не знали отдыха, спали стоя, опершись на копьё или на посох. Сон длился минуты. Малейшее изменение в окружающей обстановке моментально отражалось чутким слухом в полудреmlющем мозгу... Нередко в конце летовки *ватыльыт* буквально на руках на шкуре приносили в стойбище. Требовалось время для их восстановления. Восстановившись, становились вдвое-втрое сильнее обычных людей.

Одной из важнейших задач землеустройства было выявить резервы пастбищ для увеличения поголовья. Первые шаги советизации негативно отразились на состоянии кочевого хозяйства и поголовье оленей. По данным Приполярной переписи 1926–1927 гг. (Итоги... 1929), в Анадырском районе (из которого вскоре после этого был выделен Марковский район) было 312,9 тыс. оленей. При землеустройстве в 1932–1933 гг. в Анадырском районе их насчитали только 120 тыс., а в Марковском – около 60 тыс., включая 40 хозяйств с поголовьем 25 тыс., которые откочевали за пределы района, спасаясь от коллективизации; т.е. всего на той же территории оказалось около 180 тыс. оленей. Причиной снижения поголовья землестроители назвали «вредительскую деятельность кулака» (ГА ЧАО 1934: 114). Однако это снижение могло быть в значительной степени статистическим артефактом, а не реальным сокращением, так как оленеводы, боясь коллективизации, откочевывали в дальние тундры, куда русские не могли добраться. «Спрятанные» таким образом олени должны были через несколько лет снова появиться в статистике, с чем, по-видимому, и связан значительный рост поголовья, начавшийся в Анадырском районе с 1939 г. Наряду с этим некоторые оленеводы забивали оленей, чтобы не сдавать их в колхозы (Хаховская 2011).

В проекте землеустройства 1932 г. оленеемкость пастбищ Анадырского района была определена в 245 611 голов оленей по лимитирующему зимнему сезону (ГА ЧАО 1934: 49), что примерно соответствовало количеству оленей, учтенному там Приполярной переписью. Вывод был сделан следующий: «...для насыщения его [Анадырского района] пастбищ существующее поголовье можно увеличить в 2,5 раза или на 150%, оставаясь даже при современных нерациональных способах ведения

оленьего хозяйства. При введении же рационализации заготовки силосных кормов в районах зимних пастбищ, мелиорации пастбищ ягельниковых и зеленых, введении хотя бы частичного стойбищного оленеводства и т.д., существующее поголовье можно увеличить еще более. При условии тщательного изучения тундры и рационального использования ее ресурсов, трудно представить предел увеличения поголовья» (ГА ЧАО 1934: 49).

Таким образом, «нерациональность» существующего оленеводческого хозяйства была фактически постулирована. Рассуждения о заготовке силосных кормов и мелиорации пастбищ, не говоря уже о «стойбищном» содержании оленей, показывают, что оленеводство рассматривалось в привычных для работников землеустройства контекстах, взятых из практики животноводства в районах развитого сельского хозяйства.

Еще одним подлежащим искоренению недостатком были признаны дальние перекочевки, которые требовали дополнительных затрат труда, ухудшали контроль за оленеводами со стороны администрации и препятствовали их переводу на оседлый образ жизни. Отметим, что при этом в материалах землеустройства была показана их хозяйственная целесообразность, обусловленная следующими причинами.

1. Вывод стад из области вероятного образования на пастбищах ледяной корки. Оленеводы Анадырского района проводили летовку у хорошо обдуваемых ветрами горных хребтов или у моря, где олени, кроме того, могут восполнить дефицит соли в организме морской водой, а к зиме переводили оленей в континентальные тундры, не подверженные гололедице, на тихие безветренные места (Орловский 1928; Васильев 1936; Друри 1936). При этом изменение предварительно выбранных маршрутов кочевков при резкой смене погоды было довольно обычным делом (Друри 1936: 109).

2. Заготовка древесины для каркаса яранги, нарт и других изделий требовала кочевать на юг, в лесотундру, или же к лесным «островам», расположенным в межгорных котловинах.

3. Встреча с береговыми оседлыми жителями для традиционного обмена: продукции оленеводства на продукты морского зверобойного промысла (жир для светильников, шкуры для ремней и др.), а также для покупки «импортных» товаров, снабжение которыми шло через береговые поселения.

Две последние традиции были сочтены «нерациональными» и ненужными, поскольку советская власть сама сможет обеспечить снабжение оленеводов всем необходимым уже в ближайшее время. Была поставлена задача сократить длину кочевий до – максимум – 100–150 км, а на случай гололеда предполагалось выделять резервные участки пастбищ в местах с пересеченным рельефом, где образование сплошной ледяной корки на обширных площадях менее вероятно, но в пределах основного

пастбищного массива (Друри 1936). Таким образом, в проектах первоначального землеустройства были обоснованы меры по советизации оленеводства, задачей которых было радикально изменить размещение кочевого населения и ограничить его подвижность, невзирая на имевшиеся у него традиции.

Изменения в географическом размещении оленеводства юго-востока Чукотки в результате землеустройства

Чтобы установить, как изменилось размещение оленеводства в результате землеустройства, выясним, каким оно было до этого. Возьмем за основу данные переписи 1926–1927 гг., когда оленеводы еще не спасались от коллективизации и находились на своих привычных местах. Общая карта-схема кочевания этнотерриториальных групп восточной и центральной Чукотки перед коллективизацией приведена в статье В.Н. Нувано (2004). Информация из опубликованных таблиц Приполярной переписи (Итоги... 1929) дает возможность ее уточнить. Пастбища, расположенные на территории будущего Беринговского района, использовались для выпаса оленей, главным образом, тремя кочевыми советами: Вилюнейремкенским, Керекремкенским и Телькапелэтским. Сведения о них собрал регистратор тов. Орловский с ноября 1926 г. по март 1927 г. (Итоги... 1929: XIV–XV). В опубликованных материалах (Итоги... 1929) приведены словесные описания локализации всех групп кочевого населения, главным образом, их зимних стойбищ. В общей сложности в трех кочевых советах было зарегистрировано 17 стойбищ, в которых жило 298 семей (1 476 человек), имевших 95,6 тыс. оленей (таблица).

Кочевые хозяйства на юго-востоке Чукотки по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг. (пояснение к карте на рис. 1)

Обозначения на рис. 1	Кочевые советы, группы хозяйств, стойбища	Число семей	Поголовье оленей	Оленей на семью, гол.
	<i>Вилюнейремкенский кочевой совет</i>			
1	Вилюней-гора	24	8 671	361
2	Верховье реки Хатырка	12	4 596	383
3	Кеньювсем-река	29	14 334	494
4	Среднее течение р. Хатырка (р. Талял и лев. берег Хатырки)	14	4 032	288
5	Левые притоки среднего течение р. Хатырка (р. Варэпыльгин, Марокваям)	56	18 617	332
	<i>Всего по кочевому совету</i>	135	50 250	372

Обозначения на рис. 1	Кочевые советы, группы хозяйств, стойбища	Число семей	Поголовье оленей	Оленей на семью, гол.
	<i>Керекремкенский кочевой совет</i>			
1	Никэпэкэль-река	6	1 084	181
2	Майна-Пыльгин – бассейн реки	18	2 923	162
3	Кайпыльчин-озеро	17	4 093	241
4	Кенеуг-река	8	1 428	179
	<i>Всего по кочевому совету</i>	49	9 528	194
	<i>Телькапелэтский кочевой совет</i>			
1	Исток р. Великая	17	6 605	389
2	Р. Берёзовая Первая	18	6 931	385
3	Великая – среднее течение реки	22	7 351	334
4	Научириной в верховьях реки	7	2 418	345
5	Оз. Мейнинну	12	3 896	325
6	Р. Чиринай (верховья реки)	16	5 186	324
7	Р. Майнильвергин	10	1 415	142
*)	Верховья р. Телькапкерген	12	1 981	165
	<i>Всего по кочевому совету</i>	114	35 783	314
	<i>Итого</i>	298	95 561	321

*) Местоположение не установлено.

Источник: (Итоги... 1929). Написание географических названий приведено по источнику.

Используя топографические карты и данные Государственного каталога географических названий (Реестр... 2022), а также сведения, полученные от местных жителей (ПМА 2016–2019), удалось установить местоположение большинства стойбищ (рис. 1). Можно предположить, что найденные стойбища находились недалеко от других, относящихся к тому же кочевому совету.

По данным Приполярной переписи (Итоги... 1929), больше всего оленей было у вилюнейских чукчей: 50,2 тыс. голов у 135 семей. Их зимние стойбища располагались на южной окраине будущего Беринговского района, в верхнем течении р. Хатырка и на прилегающих территориях, а длина кочевий составляла до 200 км в один конец (Орловский 1928). В.Н. Васильев (1936) разделял их на две группы – верхневилюнейскую и нижневилюнейскую. Места отела и летние пастбища первой группы находились у р. Великая и в верховьях р. Майн у границы с Корякией, но некоторые семьи выходили на лето по р. Апука к морскому берегу в районе одноименной бухты, т.е. уже за южной границей ЧАО. Нижневилюнейские чукчи кочевали немного восточнее и летом тоже спускались к морю, по-видимому, в районе устья Хатырки.

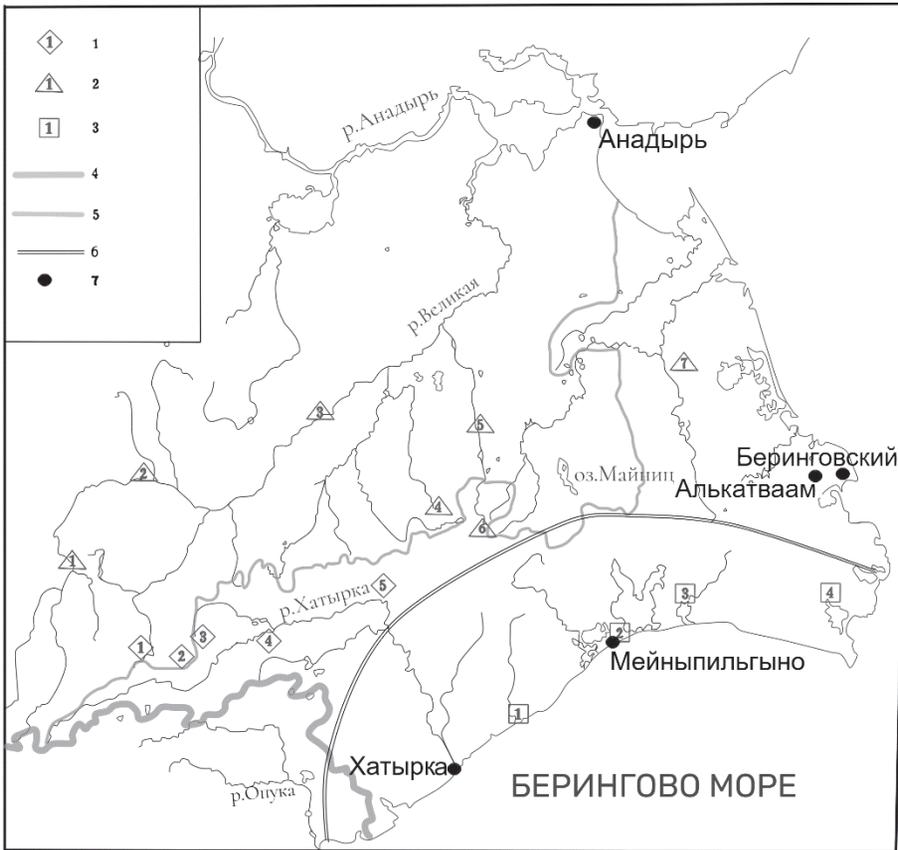

Рис. 1. Карта-схема расположения зимних стойбищ Вилюнейремкенского, Керекремкенского и Телькапелэтского кочевых советов (см. табл. 1).

Приблизительные местоположения зимних стойбищ кочевых советов:

- 1 – Вилюнейремкенского; 2 – Телькапелэтского; 3 – Керекремкенского (определены автором по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг. (Итоги... 1929));
- 4 – современная граница Чукотского автономного округа; 5 – граница бывшего Беринговского района; 6 – граница зоны ежегодного гололеда с карты колхозного землепользования Беринговского района (ГА ЧАО 1956: 2); 7 – населенные пункты

Телькапелэтский кочевой совет состоял из семи кочевых групп и включал 114 семей (555 человек), владевших 35,8 тыс. оленей. Удалось установить местоположение шести групп из семи. Только одна из них находилась на территории будущего Беринговского района, вдали от моря, в верховьях р. Чиринай, и еще одна – неподалеку к северо-западу от нее. Большая часть оленей принадлежала группам, кочевавшим выше по течению р. Великой, на значительном расстоянии от границы будущего Беринговского района.

В материалах землеустройства телькапелэтские чукчи отдельно не выделены и рассматриваются вместе с вилюнейскими. С точки зрения

землеустроителей, их кочевки были «бессистемные и длинные», в разные годы в различных направлениях, «с Хатырки на вершину Великой, к хребту Уквушвукен, к горам Начиринай, с востока на запад, с запада на север, но особо интенсивному выпаса подвергаются пастбища Начиринай» (ГА ЧАО 1934: 202). Длина кочевий в один конец достигала 300 км (Орловский 1928).

Таким образом основные кочевки Вилюнейского и Телькапелэтского советов располагались к северо-западу от горного водораздела между р. Великая и реками, текущими на юго-восток в Берингово море, по которому впоследствии была проведена граница Беринговского района. Земли к югу от этого водораздела осваивал Керекремкенский кочевой совет (241 чел.), в составе которого было 41 чукотское и восемь керекских хозяйств. В близком соседстве и контакте с ними жили оседлые кереки (21 хозяйство), все поселения которых располагались на морском берегу между бухтами Опука на западе и Орианда на востоке. Они были объединены в Наваринский туземный совет. Кереки оленей не имели. У керекремкенских чукчей в общей сложности было 9,5 тыс. оленей, в среднем – по 194 на семью. Они сочетали оленеводство с рыболовством и промыслом морских млекопитающих и вели товарообмен с кереками (Клоков 2021).

Самое большое в этом совете стойбище чукчей – 17 хозяйств с 4,1 тыс. оленями, располагалось у лагуны Кайпыльгин, рядом с гористым Наваринским полуостровом, образованным вдающимся в Берингово море восточным окончанием Корякского хребта. С этим местом связано сказание жителей с. Мейныпильгыно, согласно которому там находится хорошо защищенная горами и удобная для выпаса оленей долина Атчыног – «спрятанная земля». Согласно сказанию, семья чукчей несколько лет прятала там свое стадо от коряков (Мейныпильгыно... 2023: 95–96). Речь, по-видимому, идет о необычном для прибрежного ландшафта урочище, пригодном для круглогодичного содержания оленей.

Кроме рассмотренных групп, у северной границы будущей территории Беринговского района – по южному берегу Анадырского лимана и в районе мыса Гека, летом кочевали небольшие группы чукчей Онеменского кочевого совета. Самая крупная из них – Автаткуэльские чукчи (14 семей, имевших 1 257 оленей) в летнее время выходила к морю между лагуной Тымна и бухтой Угольная. Зимовала она далеко от моря по правым притокам Великой (Васильев 1936).

Таким образом, размещение зимних стойбищ говорит о том, что весьма обширная территория, расположенная вдоль берега Берингова моря к югу от Анадырского лимана, оленеводами, имевшими много оленей, в зимнее время практически не использовалась. Исключением можно считать Кайпыльгинскую группу, у которой была возможность укрыть стадо в горных долинах. Исключая эту группу, в пределах территории будущего Беринговского района зимой кочевали лишь 32 семьи с 5,4 тыс. оленей.

Высокий риск гололеда на рассматриваемой территории подтвержден полевыми материалами Чукотской землеустроительной экспедиции 1956 г., где на карте колхозного землепользования Беринговского района (ГА ЧАО 1956: 2) отмечена граница зоны «ежегодного гололеда» (см. рис. 1). На другой карте (ГА ЧАО 1971–1972: 8) показана толщина ледяной корки в январе 1971 г., которая достигала 19 см в Мейныпильгыно, а вдали от моря в верховьях р. Великая была лишь 3–4 см.

Таким образом, преобразования землепользования в ходе советизации фактически проигнорировали опыт традиционного оленеводства. Возникает вопрос, сыграло ли это свою негативную роль впоследствии? Рассмотрим этот вопрос подробнее, используя предоставленные Департаментом сельского хозяйства ЧАО динамические ряды производственных показателей оленеводческих хозяйств и архивные материалы.

С точки зрения первоначального землеустройства территория будущего Беринговского района была расценена как резерв пастбищ для крупностадного общественного оленеводства. К концу 1930-х гг. здесь были организованы кочевые товарищества оленеводов, которые вскоре объединились в три оленеводческих колхоза. Хозяйственные и административные центры двух из них были сформированы на базе расположенных на берегу моря оседлых поселений кереков (в местах, удобных для рыболовства). Эти поселения стали «центрами оседания» кочевавших в окрестностях оленеводов. Так возникли села Хатырка и Мейныпильгыно. Созданные там колхозы – Им. Жданова (Хатырка) и «Дружба» (Мейныпильгыно) объединили рыболовецкие артели кереков с чукотскими оленеводами. В северной части района был создан колхоз «Коммунист», центральной усадьбой которого стало построенное в 1953 г. с. Алькатваам. С начала 1960-х гг. колхозы были преобразованы в совхозы. Общее поголовье оленей в них росло и к середине 1960-х гг. достигло 45 тыс. голов (рис. 2).

В 1970–1980-е гг. оленеводство Чукотки столкнулось с рядом серьезных социальных и экономических проблем (Коломиец, Нувано 2024; Пилясов 2009; Хаховская 2011), однако негативный тренд в динамике поголовья оленей, имевший место в эти годы во всем округе, в Беринговском районе был выражен слабо (рис. 2). Несмотря на гололедные явления и другие проблемы, поголовье оленей здесь поддерживалось на высоком уровне вплоть до начала рыночных реформ. Дело в том, что повышенная гибель оленей редко отражается на выходном поголовье в конце календарного года (рис. 3), так как хозяйства выравнивают ситуацию, уменьшая забой (Пантин 1985). На неблагоприятную ситуацию указывает снижение других показателей: сохранности взрослого поголовья и делового выхода телят (рассчитывается как сумма числа забитых и доживших до конца календарного года телят на 100 январских маток). На графиках этих показателей (рис. 4, 5) ясно видны «провалы» в 1971 и 1982 гг.

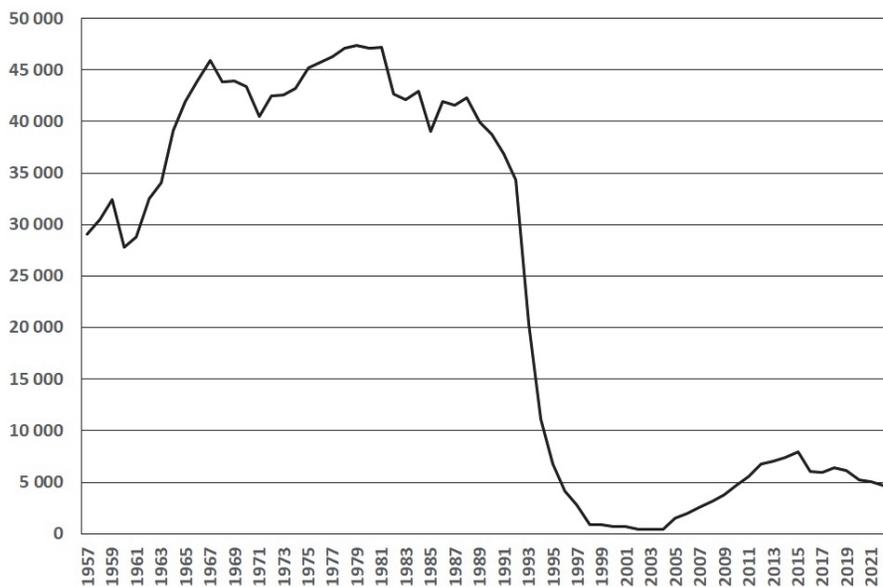

Рис. 2. Поголовье домашних оленей в Беринговском районе (с 2008 г. – на территории бывшего Беринговского района), гол.

Источник: рассчитано автором по сведениям Департамента сельского хозяйства ЧАО

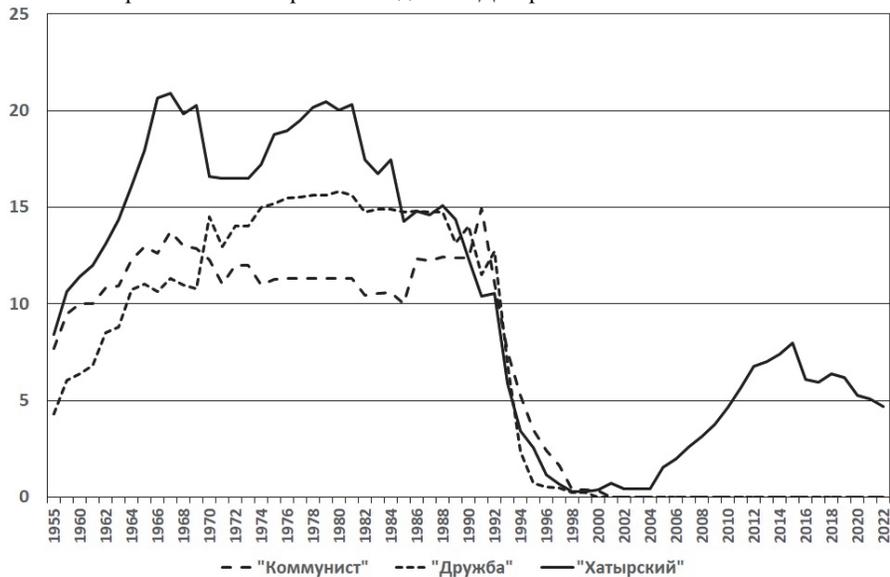

Рис. 3. Динамика поголовья оленей (тыс. гол.) в оленеводческих хозяйствах на территории Беринговского района (колхозы/совхозы/муниципальные унитарные предприятия)

Источник: составлено автором по сведениям Департамента сельского хозяйства ЧАО

Отметим, что их снижение бывает связано не только с гололедом, но и с другими причинами, например, с пургой во время отела, аномально

жарким летом, а также с резким снижением уровня организации хозяйства, который имел место, начиная с 1990 г. Однако своевременно принятые против гололеда меры (например, вывод стад из опасной зоны) могут предотвратить негативный эффект.

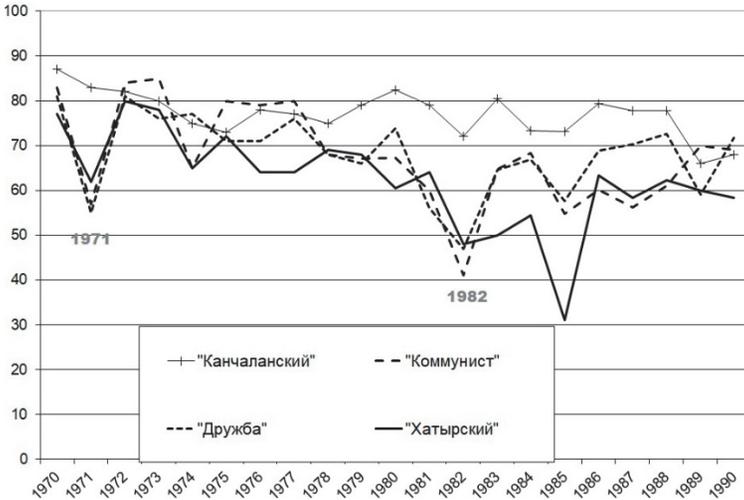

Рис. 4. Сохранность взрослого поголовья оленей в трех совхозах Беринговского района, расположенных в зоне рискованного оленеводства, и в совхозе «Канчаланский» Анадырского района (вне этой зоны, для сравнения).

Отдельно обозначены годы с сильными гололедными явлениями

Источник: составлено автором по сведениям Департамента сельского хозяйства ЧАО

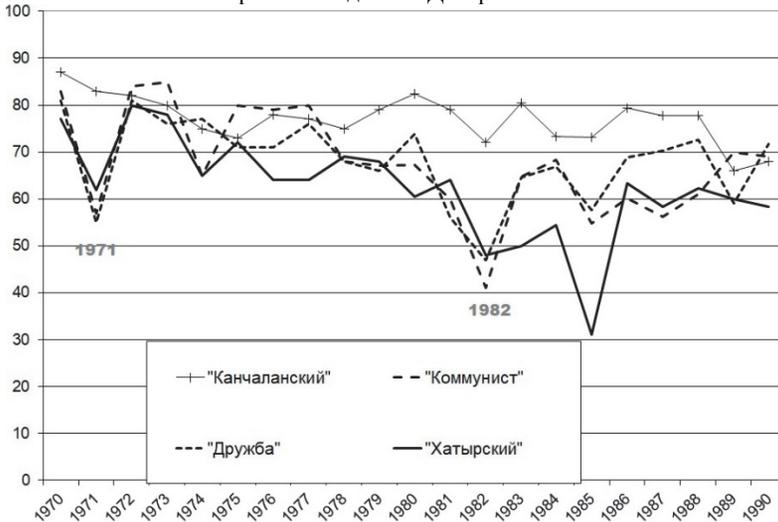

Рис. 5. Деловой выход телят на 100 январских маток в трех совхозах Беринговского района, расположенных в зоне рискованного оленеводства, и в совхозе «Канчаланский» Анадырского района (вне этой зоны, для сравнения).

Отдельно обозначены годы с сильными гололедными явлениями.

Источник: составлено автором по сведениям Департамента сельского хозяйства ЧАО

В данном случае наличие гололедных явлений подтверждается сообщениями в печати (Пантин 1985) и рассказами старожилов: «Я отлично помню, когда в 1971 году разразился страшный гололед, отец чуть ли не каждый день летал на вертолете МИ-4 по бригадам в поисках пастбищ, менее затронутых гололедом. В это время он был заместителем директора совхоза по хозяйственной части. Директор был Ковин Михаил Петрович. Вертолет был прикомандирован к нашему совхозу по приказу окрисполкома» (Мейныпильгыно... 2023: 128).

Начиная с 1971 г. гололед в округе стал рассматриваться как чрезвычайная ситуация, что нашло отражение в документах Управления сельского хозяйства округа (ГА ЧАО 1971–1972; ГА ЧАО 1973а; ГА ЧАО 1973б: 33–37 и др.). Типична телеграмма начальника Управления сельского хозяйства Чукотского окрисполкома (ГА ЧАО 1971–1972: 12), разосланная во все хозяйства округа 6 декабря 1972 (рис. 6). Из нее видно, что и на следующий год гололедные явления стали повторяться, но на этот раз были приняты энергичные меры. В ответной телеграмме, из Мейныпильгыно, подписанной Ковиным (ГА ЧАО 1971–1972: 27), сообщается, что ситуация в целом под контролем, но несколько бригад из-за гололеда вынуждены кочевать на территорию другого совхоза к озеру Майниц (т.е. через границу Беринговского района. – К.К.).

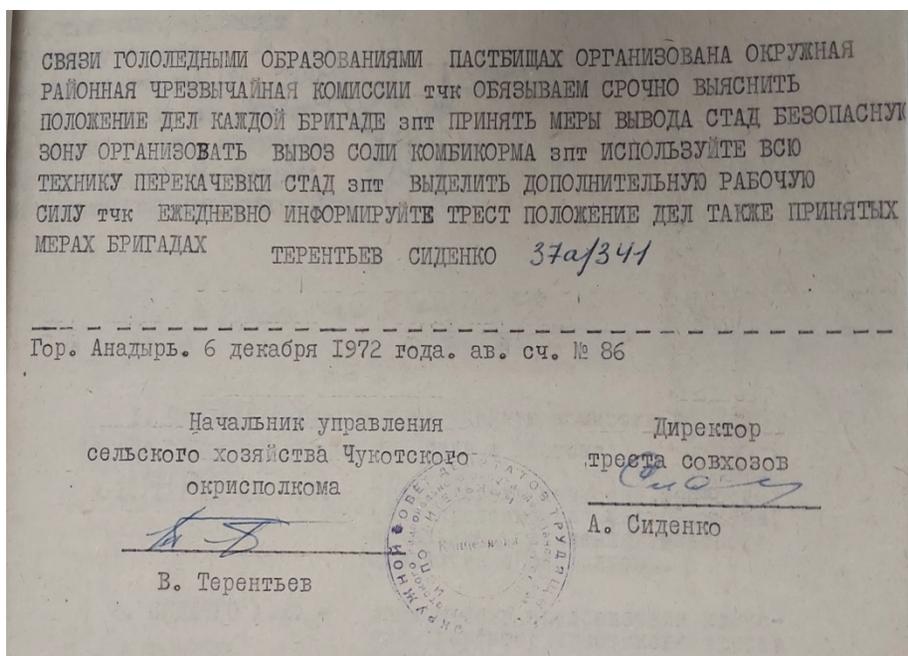

Рис. 6. Телеграмма Управления сельского хозяйства Чукотского окрисполкома, разосланная в оленеводческие хозяйства округа 6 декабря 1972 г. в связи с гололедом (ГАЧО 1971–1972: 12)

Таким образом, освоение оленеводством «рискованных» пастбищ на рассматриваемой территории по крайней мере два раза – в 1971 и 1982 гг., привело к значительным хозяйственным потерям. Вместе с тем принятые меры позволяли выравнивать поголовье. Положение оленеводства оставалось стабильным благодаря значительным затратам усилий и средств совхозов и управления сельским хозяйством округа.

Проведенный А.Н. Пилясовым (2009: 441) расчет средней величины непроизводительного отхода оленей начиная с 1965 г. по пятилетним периодам для каждого района ЧАО показал, что во всех трех районах зоны рискованного оленеводства этот показатель был значительно выше, чем вне этой зоны. Максимальное различие имело место в 1980–1984 гг., когда в Беринговском районе непроизводительный отход оленей составил 20%, а в районах вне зоны рискованного оленеводства варьировал от 9,7 до 12,9%.

Рыночные реформы, разрушив существовавшие в советское время хозяйственные механизмы, вызвали «обвальное» сокращение поголовья оленей в ЧАО. За послереформенное десятилетие (с 1991 по 2001 г.) оно упало с 491 по 92,5 тыс. голов (в 5 раз). Сильнее всего оно сократилось в районах зоны рискованного оленеводства, причем Беринговский район оказался среди них «лидером»: здесь число оленей за тот же период уменьшилось в 55 раз – с 38,7 до 0,7 тыс. голов (Клоков, Хрущев 2004). В Алькатвааме и Мейныпильгыно оленеводство исчезло полностью (рис. 7).

Рис. 7. Разрушенный кораль для оленей около с. Мейныпильгыно. Фото автора. 2016 г.

Небольшое стадо сохранилось лишь в Хатырке, около южной границы ЧАО, на территории безопасной с точки зрения гололедных явлений. В 2000-е гг. оленеводство здесь было отчасти восстановлено, и количество оленей достигло максимума – 8 тыс. голов – в 2015 г. С этого года, по сведениям Департамента сельского хозяйства ЧАО, началось плавное снижение поголовья оленей не только в Хатырке, и по всему округу.

Вопрос о том, в какой степени возможно и вероятно возрождение оленеводства на остальной территории бывшего Беринговского района, несомненно актуален и заслуживает специального изучения. Пять лет назад, после нескольких неудачных попыток, небольшое фермерское хозяйство с поголовьем около 200 оленей появилось в окрестностях Мейныпильгыно. Однако развития хозяйства и роста стада, несмотря на усиленную государственную поддержку, здесь не происходит (ПМА 2019, 2022).

Заключение

Изменения в землепользовании в ходе советизации оленеводства на территории юго-востока ЧАО объективно способствовали снижению его экологической устойчивости. Советская научная школа землеустройства оленеводческих хозяйств оформилась на базе изучения и обобщения опыта главным образом европейского – коми-ижемского и ненецкого – оленеводства. В ней сформировались определенные контексты, в которых рассматривались все проблемы, вырабатывались научные принципы и практические меры. В дальнейшем они применялись для модернизации оленеводства в восточных регионах страны, включая Чукотку.

До землеустройства чукотские оленеводы, как правило, проходили через одни и те же зимние пастбища в среднем раз в четыре года (ГА ЧАО 1934: 47), т.е. пастбищеоборот, введение которого было одной из задач землеустройства, был у них уже фактом. Вместе с тем их природопользование обладало большой гибкостью, чередование пастбищ соблюдалось не формально, а учетом их фактического состояния и множества сопутствующих обстоятельств. В ходе землеустройства такая гибкость была расценена как «бессистемность». Однако, именно изменчивость кочевков позволяла оленеводству гармонично «вписываться» в нестабильную природную среду (Нувано 2004). Гибкое, неформальное использование земель, несмотря на усилия властей, отчасти сохраняется и в настоящее время. Так, А.Н. Пилясов (2009: 443), отмечает, что у всех успешных чукотских оленеводческих хозяйств, кроме сохранения традиционных институтов, есть еще одна общая характеристика: «...они все являлись нарушителями правил землепользования (совершали стихийные захваты земель)».

Чукотские оленеводы традиционно выбирали маршруты кочевков вместе с оленями, используя инициативу самих животных (Архинчеев

1957). По их мнению, нужно только «тихонько идти за оленями, они сами движутся в нужном направлении» (Головнёв 2015: 13). В свете современных экологических представлений такая стратегия соответствует одному из четырех основных принципов отношений человека с природой Барины Коммонера (1974): «Природа знает лучше». Однако в ходе землеустройства чукотское оленеводство было «переформатировано» по коми-ижемской модели, для которой характерен постоянный контроль за стадом со стороны оленеводов (Истомин 2004). В результате модернизации чукотское оленеводство было приспособлено к интересам и потребностям планового социалистического хозяйства, вопросы экологической адаптации при этом отошли на второй план. Однако и после этого оленеводческое хозяйство долгое время сохраняло устойчивость. Его крах наступил в период рыночных реформ, но никак не был связан с опасными природными явлениями, во всяком случае никто из местных жителей Беринговского района, с которыми я беседовал, ни разу об этом не упомянул.

Оленеводы Чукотки, создавшие свою традиционную систему природопользования, и советские уполномоченные, проводившие землеустройство и коллективизацию, были представителями двух весьма различных этнокультурных традиций. Советизация чукотского оленеводства стала столкновением двух культурных миров, ее можно рассматривать как конфликт не столько политических сил, сколько цивилизационных отношений. В результате нее эволюция оленеводства пошла по характерному для этноконтактных зон пути адаптации к условиям, диктуемым доминирующей этнической культурой – в данном случае советским обществом. Начался процесс, который можно обозначить как экономическую аккомодацию (Паин 2020).

По мнению М.В. Рагулиной (2000), устойчивость локальных сообществ коренных народов поддерживается на двух уровнях. Один из них – это устойчивость сообщества в природном ландшафте, которая в оленеводстве определяется отношениями между людьми, оленями и окружающей средой. Другой уровень – устойчивость сообщества в региональной социоэкономической и культурной среде. Она зависит от политики государства и ее региональных особенностей. Стратегия, предложенная и реализованная в ходе советского строительства на Чукотке, была направлена на экономическую аккомодацию равновесного в экологическом отношении природопользования чукчей к политической и социально-экономической системе страны. К таким ситуациям приложима теория геоадаптационных отношений, разработанная в геополитике (Каледин 2020: 43), если применить ее на микрогеографическом уровне. В данном случае воздействие внешнего (по отношению к локальным сообществам оленеводов) политического фактора привело к нарушению

симбиотических связей между локальными сообществами и их ландшафтом. Однако кризиса не произошло, так как нарушенное экологическое равновесие стало поддерживаться за счет внешних организационно-хозяйственных воздействий, связанных с насыщением традиционного оленеводства различного рода новациями. Взаимная адаптация субъектов-акторов, происходившая в течение нескольких десятилетий колхозно-совхозного периода, обеспечивала относительно устойчивое состояние оленеводства как системы природопользования даже в условиях повышенного экологического риска.

Ставить вопрос о том, какая модель оленеводства – традиционная или советская, обладает большей экологической устойчивостью, некорректно. Каждая из этих моделей могла существовать лишь в определенных исторических условиях. Теперь условия изменились, процесс экономической адаптации продолжается, идет стихийная выработка новых моделей оленеводства. На каком уровне установится после завершения этого процесса поголовье домашних оленей в районах ЧАО – пока не известно. Точка зрения, что уровень поголовья на юго-востоке Чукотки был искусственно завышен в советское время, а теперь вернулся к своей экологической норме (Антонов и др. 2018), сильно упрощает действительность. Для успешного хозяйства, кроме экологического равновесия необходимо еще равновесие экономическое, социальное и политическое. Поэтому для симбиотических сообществ людей и оленей общей («абстрактной») экологической нормы, не зависящей от экономики и политики, не существует. Существует сложный комплекс геоадаптационных отношений, которые, по адекватной данному случаю формулировке Н.В. Каледина (2020: 44), обеспечивают взаимные адаптации природных, общественных, общественно-природных процессов к географическому пространству, которое выступает их имманентным условием и придает им специфические пространственные (географические) формы.

Список источников

- Антонов Е.В., Литвиненко Т.В., Нувано В.Н. Полимасштабный анализ динамики домашнего оленеводства в арктических регионах: территориальные сдвиги, внутрирегиональные и локальные различия // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. № 5. С. 24–36.
- Архинчев И.С. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства (1936) // Сибирский этнографический сборник II. Труды ИЭ АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 35. С. 43–98.
- Васильев В.Н. Олени пастбища Анадырского края // Труды Арктического института. Т. LXII: Оленеводство. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. С. 9–104.
- Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.: Наука, 1965.
- Гарусов И.С. Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки, 1917–1952 гг. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1981.
- Головнёв А.В. Чукотский дневник: размышления о движении // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 6–16.

- Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-3. Оп. 5. Д. 3: Проект-очерк первоначального земельноводного устройства Анадырского района Чукотско-Анадырской комплексной экспедиции Дальгосземтреста при Наркомземе РСФСР. 1934.
- Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-3. Оп. 5. Д. 382. Материалы Чукотской землеустроительной экспедиции МСХ РСФСР полевых зоотехнических обследований Анадырского и Чукотского районов округа (карты и схемы размещения сезонных пастбищ). 1956.
- Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 611. Материалы по ликвидации последствий гололеда в совхозах округа за 1971–1972 годы.
- Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 714: Материалы по ликвидации последствий гололеда в совхозах Беринговского района за 1973 год.
- Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 87. Задорин В. О критическом состоянии сельскохозяйственного производства в Чукотском районе и о некоторых предложениях выхода из него. Служебная записка. 1973. 1973б.
- Давыдова Е.А.* Оленеводы Чукотки: власть, родство, отношения с государством (по материалам XIX – середины XX в.). СПб.: МАЭ РАН, 2022.
- Друри И.В.* Пастбищное хозяйство и выпас оленей у чукоч Анадырского района // Труды Арктического института. Т. LXII: Оленеводство. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. С. 105–124.
- Друри И.В.* Как был создан первый оленесовхоз на Чукотке // Краеведческие записки. Вып. XVI. Магадан, 1989. С. 3–14.
- Истомин К.В.* Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926–1927 г.). Благовещенск: Типолитография «Книжное дело», 1929.
- Каледин Н.В.* Деятельностно-геопространственная методология в общественной географии // Балтийский регион – регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений: материалы IV Международной научно-практической конференции. 2020. С. 43–48.
- Керцелли С.В.* По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск: Архангельская губернская типография, 1911.
- Клоков К.Б.* Этнокультурный ландшафт чукчей села Мейныпильгыно // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 37–54.
- Клоков К.Б., Хрущев С.А.* Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России. СПб.: ВВМ, 2004.
- Коломиец О.П., Нувано В.Н.* Оленеводство народов Чукотки в конце XX – первой четверти XXI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1 (64). С. 169–177.
- Коломиец О.П., Нувано В.Н.* Чукотское оленеводство в конце XIX – первой половине XX в. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 4 (18). С. 76–88.
- Коммонер Б.* Замыкающийся круг: природа, человек, технология. Л.: Гидрометеиздат, 1974.
- Мейныпильгыно в рассказах его жителей: сборник текстов, легенд, сказаний и описаний традиционных обрядов / авт.-сост. К.Б. Клоков. Санкт-Петербург; Анадырь: Музейный центр «Наследие Чукотки», 2023.
- Мироненко О.* Пути оптимизации системы землепользования и землеустройства оленеводческо-промысловых хозяйств // Новости оленеводства. Вып. 4. Магадан: Изд. Зонального НИИСХ Северо-Востока, 2000. С. 70–79.

- Нувано В.Н. Традиционные маршруты кочевания оленеводов восточной и центральной Чукотки // Ориентиры развития Берингии в XXI в. Магадан: ЧФ СВКНИИ ДВО РАН, 2004. С. 180–190.
- Орловский П.Н. Год анадырско-чукотского оленевода // Северная Азия. 1928. № 2. С. 61–70.
- Паин Э.А. Межэтнические отношения: сущность и основные разновидности // Koiron. 2020. Т. 1, № 1-2. С. 71–87.
- Пантин О.А. Передовые, отстающие. К итогам работы оленеводческих совхозов Магаданской области в 1984 году // Магаданский оленевод. 1985. № 37. С. 7–9.
- Пилясов А.Н. И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Полевые материалы автора (ПМА). Мейнпыльгыно, 2016–2019; Анадырь, 2022.
- Постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 8 сентября 1931 г. № 957 «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: [khttps://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3781.khtm](https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3781.khtm)
- Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.
- Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий объектов на 16.12.2022, Чукотский автономный округ. URL: [khttps://www.zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_15/384-98-Reestr-geograf-nazvanii-RF-2022g-Chukotski/027.khtm](https://www.zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_15/384-98-Reestr-geograf-nazvanii-RF-2022g-Chukotski/027.khtm)
- Сочава В.Б. Тундроведение и ягелеустройство // Советский Север. 1931. № 1. С. 78–84.
- Тропоа Богораза. Научные и литературные материалы. М.: Институт Наследия – ГЕОС, 2008.
- Хаховская Л.Н. Советская модернизация оленеводства в отдаленных северных регионах (на примере Анадырского района Чукотки) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 112–127.
- Чистяков А.Ю. Проблемы изучения оленеводства в работе Всесоюзного арктического института в 1930-е гг. // Полярные чтения на ледоколе «Красин»: материалы седьмой научно-практической конференции «Полярные чтения – 2019. Государственные и общественные организации в управлении Арктикой: прошлое, настоящее, будущее». СПб.: Паулсен, 2020. С. 540–548.
- Шарыпова А.Н. Чукотка – судьба моя. СПб.: Лемма, 2017.

References

- Antonov E.V., Litvinenko T.V., Nuvano V.N. (2018) Polimasshtabnyi analiz dinamiki domashnego olenevodstva v arkticheskikh regionakh: territorialnye sdvigi, vnutriregionalnye i lokalnye razlichiiia [Multiscale Analysis Of Domestic Reindeer Breeding Dynamics In The Arctic Regions: Territorial Shifts, Intraregional And Local Differences]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, no. 5, pp. 24–36.
- Arhincheev I.S. (1957) Materialy dlya harakteristiki sotsialnyh otnosheniy chukchey v svyazi s sotsialisticheskoy rekonstruktsiei hozyaystva (1936) [Materials for characterizing the social relations of the Chukchi in connection with the socialist reconstruction of the economy (1936)]. *Sibirskiy etnograficheskiiy sbornik II*. Trudy IE AN SSSR. Moscow-Leningrad. Vol. 35, pp. 43–98.
- Author's Field Materials (PMA). Meinyopil'gyno, 2016–2019; Anadyr', 2022.
- Chistiakov A.Yu. (2020) Problemy izucheniia olenevodstva v rabote Vsesoiuznogo arkticheskogo instituta v 1930-e gg. [Problems of studying reindeer herding in the work of the All-Union Arctic Institute in the 1930s.]. *Poliarnye chteniia na ledokole «Krasin», Materialy sedmoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Poliarnye chteniia – 2019. Gosudarstvennye i obschestvennye organizatsii v upravlenii Arktikoi: proshloe, nastoiashchee, budushee"*. Saint-Petersburg: Paulsen. pp. 540–548.

- Davydova E.A. (2022) *Olenevody Chukotki: vlast, rodstvo, otnosheniia s gosudarstvom (po materialam XIX – serediny XX v.)* [Reindeer Herders of Chukotka: Power, Kinship, Relations with the State (Based on Materials from the 19th – Mid-20th Centuries)]. Saint-Petersburg: MAE RAN.
- Druri I.V. (1936) Pastbischnoe khoziaistvo i vypas olenei u chukoch Anadyrskogo rayona [Pasture farming and reindeer grazing among the Chukchi of the Anadyr region]. *Trudy Arkticheskogo instituta*. Vol. LXII. Reindeer herding. Leningrad: izd-vo Glavsevmorputi. pp. 105–124.
- Druri I.V. (1989) Kak byl sozdan pervyi olenesovkhoz na Chukotke [How the first reindeer state farm was created in Chukotka]. *Kraevedcheskie zapiski*. Vol. XVI. Magadan. pp. 3–14.
- Garusov I.S. (1981) *Sotsialisticheskoe pereustroistvo selskogo i promyslovogo khoziaistva Chukotki 1917–1952 gg.* [Socialist reorganization of Chukotka's agricultural and crafts economy, 1917–1952]. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Golovnyov A.V. (2015) Chukotskii dnevnik: razmyshleniia o dvizhenii [Chukotka Diary: Reflection On Motion]. *Uralskii istoricheskii vestnik*, no. 2 (47). pp. 6–16.
- Istomin K.V. (2004) *Etnoekologicheskaiia kharakteristika komi-izkhenskogo olenevodstva*. Avtoref. diss. na soisk. uch. step. kandid. istor. nauk [Ethnoecological characteristics of the Komi-Izhma reindeer herding. Abstract of a Cand.Sc. (History) dissertation]. Moscow.
- Itogi perepisi severnykh okrain Dalnevostochnogo kraia (1926–1927 g.)* [Results of the census of the northern outskirts of the Far Eastern region (1926–1927)]. Blagoveschensk: tipolitografiia «Knizhnoe delo», 1929.
- Kaledin N.V. (2020) Deiatel'nostno-geoprostranstvennaia metodologiia v obschestvennoi geografii [Activity-geospatial methodology in human geography]. *Baltiiskii region - region sotrudnichestva. Regiony v usloviakh globalnykh izmenenii*. Materialy IV Mezkhodunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. pp. 43–48.
- Kertselli S.V. *Po Bolshezemelskoi tundre s kochevnikami* [Along the Bolshezemelskaya tundra with nomads]. Arkhangel'sk: Arkhangel'skaia gubern'skaia tipografiia. 1911.
- Khakhovskaia L.N. (2011) Sovetskaia modernizatsiia olenevodstva v otdalennykh severnykh regionakh (na primere Anadyr'skogo rayona Chukotki) [The Soviet Modernization Of Deer Breeding In Remote Northern Regions (The Case Of The Anadyr Region Of Chukotka)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. no. 6. pp. 112–127.
- Klokov K.B. (2021) Etnokulturnyi landshaft chukchei sela Meinyopilgyno [The ethno-cultural landscape of the Chukchi village of Meinyopilgyno]. *Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia*. no. 4. pp. 37–54.
- Klokov K.B., Khrushev S.A. (2004) *Olenevodcheskoe khoziaistvo korennykh narodov Severa Rossii* [Reindeer herding of indigenous peoples of the Russian North]. Saint-Petersburg: VVM.
- Kolomiets O.P., Nuvano V.N. (2017) Chukotskoe olenevodstvo v kontse XIX – pervoi polovine XX v. [The Chukchi Reindeer Breeding In The Late XIX – The First Half Of The XX Centuries]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovani*. no. 4 (18). pp. 76–88.
- Kolomiets O.P., Nuvano V.N. (2024) Olenevodstvo narodov Chukotki v kontse XX – pervoi chetverti XXI v. [Reindeer Herding Of Chukotka Ethnicities In The End Of The 20th – First Quarter Of 21st Century]. *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii*. no. 1 (64). pp. 169–177.
- Kommoner B. (1974) *Zamykayushchiia krug: priroda, chelovek, tekhnologiia* [A closing circle: nature, human, technology]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
- Meinyopilgyno v rasskazakh ego zhitelei: sbornik tekstov, legend, skazanii i opisani traditsionnykh obriadov* [Meinyopilgyno in the stories of its inhabitants: a collection of texts, legends, tales and descriptions of traditional rituals] / Compiled by K.B. Klokov. Saint-Petersburg.; Anadyr: Muzeinyi tsentr «Nasledie Chukotki», 2023.

- Mironenko O. (2000) Puti optimizatsii sistemy zemlepolzovaniia i zemleuстройства olenevodchesko-promyslovyykh khoziastv [Ways to optimize the land use and land management system of reindeer herding and cropping farms]. *Novosti olenevodstva*. Vol. 4. Magadan: Izd. Zonalnogo NIISKH Severo-Vostoka. pp. 70–79.
- Nuvano V.N. (2004) Traditsionnye marshruty kochevaniia olenevodov vostochnoi i tsentralnoi Chukotki [Traditional routes of reindeer herders in eastern and central Chukotka]. *Orientry razvitiia Beringii v XXI v.* Magadan: ChF SVKNII DVO RAN. pp. 180–190.
- Orlovskii P.N. (1928) God anadyrsko-chukotskogo olenevoda [The Year of the Anadyr-Chukotka Reindeer Herder]. *Severnaia Aziia*. no. 2, pp. 61–70.
- Pain E.A. (2020) Mezkhethnicheskie otnosheniia: suschnost i osnovnye raznovidnosti [Interethnic Relations: The Essence And The Core Varieties]. *Koinon*. Vol. 1. no. 1-2, pp. 71–87.
- Pantin O.A. (1985) Peredovye, otstayushchie. K itogam raboty olenevodcheskikh sovkhozov Magadanskoi oblasti v 1984 godu [Advanced, lagging behind. On the results of the work of reindeer herding state farms of the Magadan region in 1984]. *Magadanskii olenevod*. no. 37, pp. 7–9.
- Piliasov A.N. (2009) *I poslednie stanut ervymi: Severnaia periferiia na puti k ekonomike znaniia* [And the Last Shall Be First: The Northern Periphery on the Path to a Knowledge Economy]. Moscow: LIBROKOM.
- Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov RSFSR ot 8 sentiabria 1931 g. n 957 «O khoziaistvennom razvitiu raionov Krainego Severa» [Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR of September 8, 1931 No. 957 "On the economic development of the regions of the Far North"]. *Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR*. Available at: [khttps://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3781.khtm](https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3781.khtm)
- Ragulina M.V. (2000) *Korennnye etnosy sibirskoi taygi: motivatsiia i struktura prirodopolzovaniia (na primere tofalarov i evenkov Irkutskoi oblasti)* [Indigenous ethnic groups of the Siberian taiga: motivation and structure of nature management (on the example of the Tofalars and Evenks of the Irkutsk region)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.
- Reestr zaregistrirrovannykh v AGKGN geograficheskikh nazvanii ob"ektov na 16.12.2022, Chukotskii avtonomnyi okrug [Register of geographical names of objects registered in the State Catalogue of Geographical Names as of 12/16/2022, Chukotka Autonomous Okrug]. Available at: [khttps://www.zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_15/384-98-Reestr-geograf-nazvanii-RF-2022g-Chukotski/027.khtm](https://www.zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_15/384-98-Reestr-geograf-nazvanii-RF-2022g-Chukotski/027.khtm)
- Sharypova A.N. (2017) *Chukotka – sudba moia* [Chukotka is my destiny]. Saint-Petersburg: «Lemma».
- Sochava V.B. (1931) Tundrovedenie i iageleustroistvo [Tundra studies and lichen management]. *Sovetskii Sever*. no. 1, pp. 78–84.
- State Archives of the Chukotka Autonomous Okrug (GA ChAO). Fund R-3. List 5. File 3. Proekt-ocherk pervonachalnogo zemel'novodnogo ustroistva Anadyrskogo raiona Chukotsko-Anadyrskoi kompleksnoi ekspeditsii Dal'goszemtresta pri Narkomzeme RSFSR [Project-essay of the initial land-water arrangement of the Anadyr region of the Chukotka-Anadyr complex expedition of the Far Eastern State Land Trust under the People's Commissariat of Agriculture of the RSFSR]. 1934.
- State Archives of the Chukotka Autonomous Okrug (GA ChAO). Fund R-3. List 5. File 382. Materialy Chukotskoi zemleustroitel'noi ekspeditsii MSKh RSFR polevykh zootekhnicheskikh obsledovaniy Anadyrskogo i Chukotskogo raionov okruga (karty i skhemy razmeshcheniia sezonnykh pastbishch) [Materials of the Chukotka land management expedition of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation on field zootechnical surveys of the Anadyr and Chukotka districts of the Okrug (maps and schemes of seasonal pasture placement)]. 1956 g.
- State Archives of the Chukotka Autonomous Okrug (GA ChAO). Fund R-10. List 1. File 611. Materialy po likvidatsii posledstviu gololeda v sovkhozakh okruga za 1971–1972 gody

[Materials on the elimination of the consequences of ice in state farms of the Okrug for 1971-1972].

- State Archives of the Chukotka Autonomous Okrug (GA ChAO). Fund R-10. List 1. File 714. Materialy po likvidatsii posledstviia gololeda v sovkhozakh Beringovskogo raiona za 1973 god [Materials on the elimination of the consequences of ice in state farms of the Beringovskii district in 1973]. 1973a.
- State Archives of the Chukotka Autonomous Okrug (GA ChAO). Fund R-41. List 1. File 87. Zadorin V. O kriticheskom sostoianii selskokhoziaistvennogo proizvodstva v Chukotskom raione i o nekotorykh predlogeniakh vykhoda iz nego [On the crisis in agricultural production in Chukotskii District and several propositions how to get out of it. Memo. 1973] 1973b.
- Tropoiu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy* [The Path of Bogoraz. Scientific and Literary Materials]. Moscow: Institut Naslediiia – GEOS, 2008.
- Vasilev V.N. (1936) Oleni pastbischa Anadyrskogo kraia [Reindeer pastures of the Anadyr region]. *Trudy Arkticheskogo instituta*. Tom. LXII. Olenevodstvo. Leningrad: izd-vo Glavsevmorputi. pp. 9–104.
- Vdovin I.S. (1965) *Ocherki istorii i etnografii chukchei* [Essays on the history and ethnography of the Chukchi]. Moscow: «Nauka».

Сведения об авторе:

КЛОКОВ Константин Борисович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (Санкт-Петербург, Россия); профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: k.b.klokov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Konstantin B. Klokov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation); St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: k.b.klokov@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 01 мая 2024;
принята к публикации 28 августа 2024.*

*The article was submitted 01.05.2024;
accepted for publication 28.08.2024.*